

ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА БИЛИНГВИЗМА ТЕРСКИХ КУМЫКОВ КАК ИНДИКАТОР ВИТАЛЬНОСТИ ЯЗЫКА: ЯЗЫКОВОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ. ЧАСТЬ 1

**П.О. Россяйкин, А.И. Груздева, Ю.Р. Камбулатова,
Р.Р. Насырова, С.Г. Татевосов, Г.Ю. Устьянцев,
О.В. Федорова**

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия*

Аннотация: В статье представлена первая часть исследования языковой и социокультурной ситуации терских кумыков, проживающих на территории Моздокского района Республики Северная Осетия — Алания; данные были собраны в ходе полевого исследования, проводившегося в августе 2023 года в с. Предгорное. Функционирование кумыкского языка рассматривается на материале кумыкско-русского билингвизма как индикаторе языковой витальности. По результатам анкетирования 108 респондентов были распределены по семи возрастным группам, для каждой группы выделены ее билингвальные особенности.

Ключевые слова: языковая ситуация; билингвизм; кумыкско-русский билингвизм; социолингвистическое анкетирование; этнологическое анкетирование; межпоколенческая передача языка; языковая витальность

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-01-4

Финансирование: Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-21 «От Поволжья до Кавказа: языковое и культурное многообразие Центра и Юга России».

Для цитирования: Россяйкин П.О., Груздева А.И., Камбулатова Ю.Р., Насырова Р.Р., Татевосов С.Г., Устьянцев Г.Ю., Федорова О.В. Возрастная динамика билингвизма терских кумыков как индикатор витальности языка: языковой и социокультурный аспекты. Часть 1 // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 1. С. 37–53.

AGE DYNAMICS IN KUMYK-RUSSIAN BILINGUALISM AND ITS IMPLICATIONS FOR LANGUAGE VITALITY: LINGUISTIC AND SOCIOCULTURAL DIMENSIONS. PART 1

**P.O. Rossyaykin, A.I. Gruzdeva, Yu.R. Kambulatova,
R.R. Nasyrova, S.G. Tatevosov, H.Yu. Ustyancev,
O.V. Fedorova**

*Lomonosov Moscow State University, Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Abstract: This article explores the linguistic and sociocultural situation of the Terek Kumyk linguistic community. The data for the study have been collected in the fieldwork expedition in August 2023 in the village of Predgornoye (Mozdok district, North Ossetia — Alania). The vitality of Terek Kumyk is assessed through the age dynamics of Kumyk-Russian bilingualism. In the study, 108 native speakers representing seven age groups have been interviewed. For each group, its bilingual and sociocultural profiles have been identified.

Keywords: language vitality; bilingualism; Kumyk-Russian bilingualism; sociolinguistic questionnaires; ethnological questionnaires; intergenerational language transmission

Funding: The study was supported by Lomonosov Moscow State University Development Program, project No. 23-III02-21 “From the Volga Region to the Caucasus: Linguistic and Cultural Diversity of the Centre and South of Russia”.

For citation: Rossyaykin P.O., Gruzdeva A.I., Kambulatova Yu.R., Nasyrova R.R., Tatevosov S.G., Ustyancev H.Yu., Fedorova O.V. (2024) Age Dynamics in Kumyk-Russian Bilingualism and Its Implications for Language Vitality: Linguistic and Sociocultural Dimensions. Part 1. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 1, pp. 37–53.

1. Введение

В этой статье излагаются первые результаты междисциплинарного проекта по исследованию языковой и социокультурной ситуации в нескольких регионах России, который осуществляется совместными усилиями лингвистов и этнологов Московского университета. Его цель — создание описаний языков и культур народов России, в которых раскрывается как их структурное и типологическое своеобразие, так и обстоятельства функционирования в контексте многоязычия и культурной вариативности российского государства. В сферу исследования входят данные по языкам и культурам уральских и тюркских народов Поволжья (марийцев, удмуртов, башкир), тюркских народов Кавказа (карачаево-балкарцев

и кумыков), а также представителей ираноязычных народов (осетин и татов), проживающих на Северном Кавказе.

Предмет этой статьи — языковая и социокультурная ситуация терских кумыков, которая подверглась комплексному полевому исследованию в августе 2023 года. Исследование нацелено на сбор и интерпретацию количественных данных, отражающих, во-первых, функционирование родного языка в языковом сообществе и его соотношение с другими языками, во-вторых, представления членов сообщества о своей культурной идентичности и, в-третьих, взаимодействие этих двух факторов.

Лингвистический компонент исследования нацелен на получение данных о социолингвистическом статусе языка в пределах языкового сообщества, в первую очередь о степени его витальности, а также о динамике изменений языковой ситуации в зависимости от возраста носителей. Этнологический компонент исследования обращен к языку и языковым практикам как маркерам различных коллективных идентичностей: общегражданской (российской), этнической, региональной, конфессиональной, локальной (местной). Наконец, основополагающий междисциплинарный вопрос описываемого исследования — как использование языка в различных социокультурных сферах и возрастных группах связано с проявлениями групповой идентичности.

Исследование реализует перечисленные задачи на материале данных о языковом и этнокультурном сообществе, ограниченном Моздокским районом Республики Северная Осетия — Алания. Подавляющее большинство респондентов (81 %) — жители сельского поселения Предгорное; еще 16 % респондентов проживают в других населенных пунктах Моздокского района, остальные — за пределами района. Такой подход к получению данных сводит к минимуму вмешательство факторов, связанных с территориальной, диалектной и культурной неомогенностью носителей языка и культурной идентичности. (Последние систематически возникают, если данные собраны от представителей сообществ с разной территориальной принадлежностью, относящихся к разным говорам или диалектам и т. п.)

Выводы, полученные в ходе исследования, хотя и с некоторой осторожностью, представляется возможным экстраполировать на все сообщество терских кумыков Северной Осетии.

Дальнейшее изложение организовано следующим образом. В разделе 2 представлены минимальные лингвистические и этнологические данные о терских кумыках. Раздел 3 содержит описание приемов количественного исследования кумыкско-русского билингвизма как индикатора социолингвистического статуса языка и данные о билингвизме взрослых носителей.

2. Терские кумыки Северной Осетии

Терскими кумыками Северной Осетии здесь и далее называются жители трех кумыкских поселений, расположенных на территории Моздокского района Северной Осетии: Кизляра, Предгорного и Малого Малгобека. Население Кизляра, согласно Всероссийской переписи населения 2021 года, составляет 10 912 человек, Предгорного — 1144, Малого Малгобека — 146. (Впрочем, по данным администрации Предгорненского сельского поселения, к которому относится Малый Малгобек, в последнем на данный момент остается всего несколько действующих домохозяйств.) Незначительное количество терских кумыков проживает и в других населенных пунктах района, в первую очередь в райцентре Моздок.

Как Кизляр, так и Предгорное характеризуются высокой этнической однородностью. Согласно Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг., национальный состав Предгорного включает 1089 кумыков, составляющих абсолютное большинство местного населения (95%; Всероссийская перепись населения, 2021). В Кизляре доля кумыкского населения превышает 99%. Помимо кумыков, в Предгорном проживают аварцы, русские, чеченцы, ингуши, в Кизляре — чеченцы, русские, осетины. Некоторые исторические сведения о расселении терских кумыков на территории современного Моздокского района и его окрестностей можно найти, например, в [Гусейнов 2021a].

Кумыкский язык относится к западной подгруппе кыпчакской группы тюркских языков и включает, согласно традиционной классификации (например, [Керимов 1967; Ольмесов 1997; Гаджихамедов 2014]), пять диалектов. Кроме терского, это хасавюртовский, кайтакский, буйнакский и подгорный.

Последние четыре диалекта распространены преимущественно на территории Дагестана, где проживает основная масса носителей языка. Общее количество носителей всех диалектов превышает 400 тыс. человек. Для аварцев, даргинцев, лезгинов и других народов Дагестана кумыкский язык в течение длительного времени выступал языком межэтнического общения [Ибрагимов, Аджиев 2002: 474]. В образовательной сфере он распространен преимущественно в Республике Дагестан, а в Чечне и Северной Осетии его функция в образовании ограничена.

Терский диалект, согласно [Ольмесов 1997; Гусейнов 2021b], распадается на два говора — брагунский, на котором говорят жители ряда кумыкских сел на территории Чечни, и кизлярский, материал которого обсуждается ниже. Кизлярский говор обнаруживает значительное количество фонологических, морфологических и синтаксических особенностей по сравнению с литературным вариантом кумыкского языка, опирающегося на хасавюртовский диалект. Ра-

бота по документированию этих особенностей в настоящее время только начинается (например, [Алхазова и др. 2023]).

Значительная часть исследований, посвященных идентичности и языку кумыков, основана на этнографических материалах Республики Дагестан, в то время как культура терских и других групп кумыков изучена в меньшей степени. Генезис кумыкской идентичности и ее региональных проявлений является дискуссионной проблемой в советской и современной российской историографии. Согласно этнографу М.-Р. А. Ибрагимову, начиная с XIX столетия формировалось несколько «уровней идентичности»: принадлежность к селу, к союзу сельских общин, к этнической общности кумыков, к мусульманской общине, а также кавказская идентичность [Ибрагимов 2010: 90]. Этнограф М.М. Магомедханов, рассуждая об идентичности народов Дагестана в дореволюционный период, выделяет несколько таксономических уровней этнического самосознания: принадлежность к субэтнической группе, к этносу (народу), к дагестанской общности. Автор солидарен с М.-Р. А. Ибрагимовым в вопросах ранней консолидации и формирования этнического самосознания народов Северного Кавказа [Магомедханов 1987: 39–40]. В более позднем монографическом исследовании М.М. Магомедханов отмечал, что для народов Дагестана первичной является родовая принадлежность и причастность к сельской группе, а этническая общность в составе идентитета занимает второстепенное положение [Магомедханов 2008: 171]. Несмотря на диалектные отличия, на уровне локальных сообществ может сохраняться ощущение принадлежности к единому народу [Магомедханов 2008: 169]. Исследователь Э.Ф. Кисриев полагает, что в основе формирования идентичности народов Северного Кавказа начиная с эпохи Средневековья лежал политический фактор, то есть территориально-политические единицы, а не племенной строй [Кисриев 1998: 32–33]. В совместной с В.А. Тишковым статье автор приходит к выводу, что «дагестанские народности» формировались в советский период под влиянием концепта «нации» [Тишков, Кисриев 2007: 98]. По нашему мнению, в основе этнолокальной идентичности терских кумыков лежат такие маркеры культуры, как ремесла [Гаджиева 1961: 216], традиционный костюмный комплекс [Гаджиева 1961: 234–235; Ибрагимов, Аджиев 2002: 479], сюжеты эпического фольклора, например «Йыр о Джавате» [Ибрагимов, Аджиев 2002: 497], язык [Магомедханов 2008: 158]. Мы исходим из предположения, что отношение к языку и бытование местного диалекта кумыкского связаны с этническими категориями самосознания. В этнологии и социальной антропологии под этнической идентичностью понимают осознание человеком или группой своей принадлежности к этнической общности (племени, народу, нации и др). Согласно мнению ряда исследователей

дователей, по своему значению термину «этническая идентичность» соответствует понятие «этническое самосознание» [Александренков 1996: 14]. В качестве ключевых элементов этнической идентичности выделяют самоидентификацию как члена этнической группы, отношение к своей этнической группе, отношение к себе как члену этнической группы, знания о своей этнической группе, степень приверженности своей этнической группе, этническое поведение и практики [Phinney, Ong 2007: 271–274].

Можно выделить несколько характеристик языкового и этнокультурного сообщества терских кумыков Северной Осетии, которые делают их привлекательным объектом комплексного этнолого-лингвистического исследования. Во-первых, это сочетание эксклавного характера сообщества, расположенного отдаленно от основной массы носителей кумыкского языка, и его автохтонности, то есть проживания на рассматриваемой территории в течение многих поколений. Во-вторых, это значительная языковая самобытность, которая оставляет пространство для несовпадения более локальной и более глобальной идентичностей. В-третьих, это расположение на территории, характеризующейся существенной языковой и культурной вариативностью, включающей взаимодействие с русским языком, осетинским языком как языком титульного населения Северной Осетии и государственным языком республики, чеченским и ингушским языками, расположенными контактно с областью проживания терских кумыков. Наконец, сочетание компактности и автономности языкового сообщества дает хорошую возможность проследить динамику языковой ситуации, обусловленную характером межпоколенческой передачи языка, которая представляет собой необходимое условие его сохранения и развития.

В следующем разделе мы опишем принимаемый в этой работе подход к исследованию языковой и социокультурной ситуации через количественные показатели динамики билингвизма, а также охарактеризуем методику сбора данных по этнической идентичности.

3. Билингвизм

Исследование опирается на гипотезу о том, что один из наиболее информативных источников данных, позволяющих оценить социолингвистическую ситуацию в языковом сообществе, — это динамика билингвизма. Мы исходим из предположения, что изменение количественных параметров, характеризующих билингвизм, дает возможность получить достаточно точную картину функционирования языка и его витальности в текущем социокультурном контексте.

В рассматриваемом сообществе все его члены — кумыкско-русские билингвы¹. Естественно предполагать, что, если с течением времени «баланс билингвизма» (далее мы дадим этому понятию более строгое определение) смещается от кумыкского языка к русскому, это свидетельствует о том изменении языка, которое в конечном счете переводит его в статус находящегося под угрозой исчезновения. Именно поэтому функционирование кумыкского языка далее рассматривается на материале кумыкско-русского билингвизма.

3.1. Описание билингвизма

Билингвизм — одно из самых трудноопределимых понятий современной когнитивной науки, что обусловлено по крайней мере двумя причинами. Во-первых, это междисциплинарная область исследований, включающая лингвистику, психологию, социологию, социолингвистику, психолингвистику, антропологию, этнологию и педагогику; в каждой из этих областей уже сформированы свои классические методы и подходы к изучению билингвизма. Во-вторых, для решения разных задач лучше подходят разные определения билингвизма (подробнее об этом см. [Grosjean 2008; Montrul 2016]), от совершенного владения каждым из языков до использования родного языка в процессе изучения второго языка (Second Language Acquisition). Разброс современных подходов можно оценить по публикациям в пяти основных журналах, посвященных билингвизму:

(1) *Bilingual Research Journal* (1975–, <https://www.tandfonline.com/toc/ubjrj20/current>);

(2) *Journal of Multilingual and Multicultural Development* (1980–, <https://www.tandfonline.com/toc/rmmm20/current>);

(3) *The International Journal of Bilingualism* (1997–, <https://journals.sagepub.com/home/IJB>);

(4) *Bilingualism: Language and Cognition* (1998–, <https://www.cambridge.org/core/journals/bilingualism-language-and-cognition>);

¹ Использование других языков, помимо кумыкского и русского, отметили только 8 взрослых респондентов: 7 из них используют другие языки в разговоре с друзьями (не более 10 % времени), 5 — в семье (не более 5 % времени), 3 — на работе (1 %, 5 % и 20 % времени). Только двое опрошенных ответили, что думают на других языках (не более 10 % времени); трое считают на других языках (5 % времени). Среди детей только у одного ребенка было отмечено использование других языков, по времени не превышающее 3 %. Исходя из этих данных, мы предполагаем, что факторы, связанные с функционированием других языков, помимо кумыкского и русского, в сообществе терских кумыков, не влияют на выводы настоящего исследования.

Что касается этничности, все опрошенные отнесли себя к этнической группе (терских) кумыков или к более высокоуровневой группе тюркоязычных.

(5) International Journal of Bilingual Education and Bilingualism (1998–, <https://www.tandfonline.com/journals/rbeb20>).

Более 50 лет назад У. Вайнрайх разделил билингвизм на три типа: (1) **составной** билингвизм двуязычных семей, (2) **координативный** билингвизм иммиграции и (3) **субординативный** билингвизм школьного типа обучения иностранному языку [Вайнрайх 1972]. Однако такие идеальные случаи редко встречаются в реальной жизни, так что современные исследователи ищут более строгие способы операционализировать понятие билингвизма; о необходимости выработки прозрачных критериев билингвизма см. в первую очередь [Marian, Nayakawa 2020; Kremin, Byers-Heinlein 2020].

При оценке языковых навыков билингва традиционно учитываются два ключевых фактора — абсолютное знание билингвом каждого языка в отдельности (так называемый уровень **владения**, proficiency) и относительная сила знания двух языков (так называемая **доминантность**, dominance). Доминантность часто включает отдельный компонент **использования языка** (language use) в разных сферах повседневной жизни: на работе, в школе, в быту [Treffers-Daller 2019: 378]. Существует много различных способов оценки языковой доминантности, в том числе такие **лингвистические инструменты**, как лексические тесты (Boston Naming Task [Gollan et al. 2012]), морфосинтаксические тесты [Bedore et al. 2012], понимание речи на слух [Gollan et al. 2012], определение средней длины высказываний [Yip, Matthews 2006].

Самым распространенным способом определения языковой доминантности являются **билингвальные опросники** (дополнительную аргументацию см. в [Gertken, Amengual, Birdsong 2014]). Любой подобный опросник содержит некоторую информацию о владении каждым из двух языков, их сравнение, а также дополнительную информацию о языковой истории билингва. Среди большого количества разнообразных опросников для взрослых билингвов наиболее популярны, на наш взгляд, три: Language Experience and Proficiency Questionnaire [Marian, Blumenfeld, Kaushanskaya 2007], Bilingual Dominance Scale [Dunn, Fox Tree 2009] и Bilingual Language Profile [Birdsong, Gertken, Amengual 2012]. В основу настоящего исследования кумыкско-русских билингвов лег опросник Bilingual Language Profile, ниже мы более детально опишем его структуру; подробнее об опроснике Language Experience and Proficiency Questionnaire по отношению к русско-шорским и русско-татарским билингвам см. статью [Резанова и др. 2018].

Опросник **Bilingual Language Profile** (BLP, сайт проекта <https://sites.la.utexas.edu/bilingual/>) разрабатывается в Техасском университете в Остине (University of Texas at Austin) начиная с 2011 г., под-

робное изложение см. в [Gertken, Amengual, Birdsong 2014]. BLP содержит 19 вопросов, ответы на которые даются респондентами для каждого из двух языков. Эти вопросы образуют четыре раздела, каждый из которых представляет отдельный аспект доминантности языка: языковую историю, использование языков, уровень владения языками и отношение к языкам. Раздел **«Языковая история»** (6 вопросов) включает информацию о возрасте овладения данным языком, возрасте, в котором респондент стал уверенно говорить на языке, количестве лет, которые он провел в школе, регионе, семье и рабочей среде, где говорят на этом языке. Раздел **«Использование языков»** (5 вопросов) описывает процент времени в среднем за неделю, которое респондент использует данный язык в кругу семьи, с друзьями, на работе, когда разговаривает сам с собой и когда производит подсчеты. В разделе **«Владение языками»** (4 вопроса) респондентам предлагается оценить свои способности на каждом языке по четырем языковым навыкам — говорению, аудированию, чтению и письму. Наконец, раздел **«Отношение к языкам»** (4 вопроса) состоит из вопросов, оценивающих, в какой степени респонденты чувствуют себя самими собой, когда говорят на этом языке, насколько они ощущают себя частью этой культуры, насколько важно для них использовать этот язык как родной и насколько важно для них, чтобы окружающие их так воспринимали.

Важным преимуществом опросника BLP является возможность **количественной оценки** языковой доминантности (наиболее подробно процедура оценки описана в [Birdsong, Gertken, Amengual 2012]). Сначала для каждого раздела на каждом языке путем суммирования необработанных ответов вычисляется некоторая первичная оценка. Затем для обеспечения равного веса каждой оценки по каждому разделу первичная оценка умножается на определенный весовой коэффициент. **Интегральный языковой индекс** рассчитывается путем сложения взвешенных оценок по каждому из разделов, в результате чего мы получаем диапазон от 0 до 218 баллов, где 0 соответствует полному отсутствию знаний и опыта работы с данным языком, а 218 — максимальным знаниям и опыту. Наконец, **индекс доминантности** языка определяется путем вычитания индекса по одному языку из индекса по второму языку, в результате чего получается **шкала доминантности** в диапазоне от -218 до 218. Конечные точки шкалы представляют собой максимальную доминантность одного или другого языка, в то время как индекс, близкий к нулевой отметке, отражает еще одно важное понятие данной работы — так называемый **сбалансированный билингвизм**, то есть высокий уровень владения и использования обоих языков билингва.

Что касается **детских билингвальных опросников**, ситуация выглядит более запутанной. В недавней статье [Kaščelan et. al. 2022]

авторы провели метасравнение 48 детских билингвальных опросников и пришли к выводу, что в данной области необходимы более строгие определения как самого понятия билингвизма, так и оснований для их сравнения. По этой причине в данном исследовании мы приняли решение для изучения детского билингвизма использовать тот же опросник BLP с той же системой количественной оценки, лишь скорректировав его необходимым образом. При помощи этого опросника мы опрашивали **родителей** детей возраста до 15 лет включительно.

Детский опросник также содержит 19 вопросов, ответы на которые даются для каждого из двух языков. Эти вопросы также образуют четыре раздела: языковая история, использование языков, уровень владения языками и особые случаи. Ответить на вопросы предлагалось родителям ребенка.

Раздел **«Языковая история»** (6 вопросов) включает информацию о возрасте овладения данным языком, возрасте, в котором ребенок стал уверенно говорить на языке, количестве лет, которые он провел в регионе, где говорят на данном языке, а также о его языковой истории в яслях, детском саду и школе. Раздел **«Использование языков»** (4 вопроса) описывает процент времени в среднем за неделю, которое ребенок использует данный язык в общении с родителями, братьями и сестрами, бабушками и дедушками, а также с друзьями. В разделе **«Владение языками»** (4 вопроса) родителям детей предлагается оценить способности ребенка в каждом языке по четырем языковым навыкам — говорению, аудированию, чтению и письму. Наконец, раздел **«Особые случаи»** (5 вопросов) состоит из вопросов, оценивающих, на каком языке ребенок скорее сможет поддержать разговор с незнакомым человеком на улице или по телефону, на каком языке он предпочитает говорить, когда очень устал, очень доволен или очень недоволен. В целом, как мы полагаем, взрослый и детский варианты наших опросников достаточно однотипны по структуре и совпадают по системе количественной оценки, что позволяет нам осуществлять их непосредственное сравнение.

Билингвальный опросник был дополнен анкетой об этнической идентичности, включавшей четыре раздела. Первый из них, **«Общие сведения»** (7 вопросов), содержит вопросы об этничности, национальности, конфессии и др. Второй блок, **«Этнокультурное образование»** (4 вопроса), посвящен практикам изучения кумыкского языка и культуры в образовательных учреждениях. Третий раздел, **«Культурные практики»** (7 вопросов), направлен на выяснение уровня знаний информанта о кумыкской культуре и истории, фольклоре, источниках знаний о кумыкской этнографии. Блок **«Межэтническое взаимодействие»** (5 вопросов) посвящен коммуникации

респондента с представителями других народов в частной и публичной сферах, восприятию его окружением кумыкской культуры. Анкета разработана сотрудниками кафедры этнологии исторического факультета Московского университета.

В следующем разделе описаны количественные данные о кумыкско-русском билингвизме, полученные в ходе исследования.

3.2. Обработка данных

В ходе анкетирования, проводившегося в с. Предгорное Моздокского района Республики Северная Осетия — Алания по описанному выше опроснику, были получены данные 108 человек, в том числе 62 взрослых и 46 детей. Их возрастное распределение показано на диаграммах на рис. 1. Среди детей мы выделяем три возрастные группы: 2–7 лет, 8–12 лет и 13–15 лет, среди взрослых — четыре: 16–30, 31–40, 41–55 и 56+ лет.

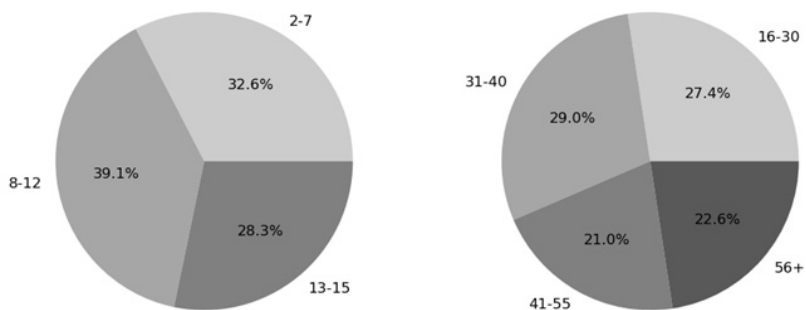

Рис. 1. Возрастное распределение респондентов — взрослых (справа) и детей (в соответствии с ответами родителей, слева)

На основе полученных данных с помощью библиотеки `seaborn` [Waskom 2021] для языка программирования Python были построены скрипичные диаграммы (англ. *violin plots*), отражающие распределение индекса сбалансированного билингвизма, а также их плотности вероятности, по семи возрастным группам (см. рис. 2).

Диаграммы следует читать следующим образом. Толстая черная полоса в центре показывает межквартильный размах: верхняя граница соответствует третьему квартилю, ниже которого находится 75% данных, нижняя — первому квартилю, ниже которого находится 25% данных. Исходящая из черной полосы тонкая черная линия показывает доверительные интервалы с 95%-ой вероятностью; значения индекса, не вошедшие в доверительный интервал, считаются статистическими выбросами. Белые точки внутри каждой скрипки указывают на медианные значения. Черные точки показывают конкретные значения индекса, встретившиеся в выборке, при-

чем в районе толстой черной полосы они не видны, а за пределами тонкой черной линии соответствуют статистическим выбросам.

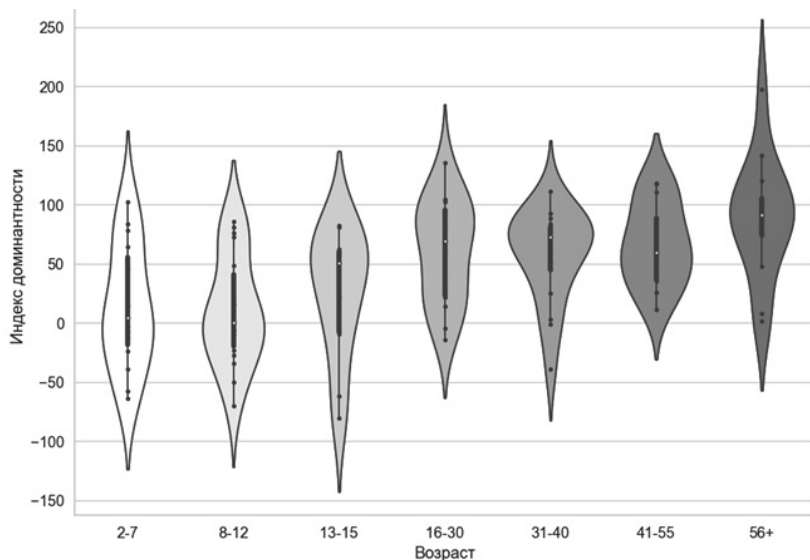

Рис. 2. Распределение индекса языковой доминантности по возрастным группам

Ширина графика плотности отражает частоту встречаемости соответствующего значения индекса в выборке. Наконец, значения индекса доминантности выше нуля соответствуют кумыкско-русскому билингвизму, ниже нуля — русско-кумыкскому².

Заключение

Выше была изложена первая часть исследования языковой и социокультурной ситуации терских кумыков Северной Осетии. Мы кратко охарактеризовали терских кумыков как языковое и этнокультурное сообщество, описали методологию исследования и представили эмпирические данные, которые были собраны в ходе полевой работы в Моздокском районе Республики Северная Осетия — Алания.

Во второй части работы [Россяйкин и др., в печати] предлагается подробное описание и анализ этих данных. Мы охарактеризуем динамику детского и взрослого билингвизма, проведем статистиче-

² В эстетических целях скрипичные диаграммы принято не обрезать по значению последнего выброса, а завершать плавно, сохраняя «скрипичную» форму. По этой причине на графике, например, для группы респондентов старше 55 лет реальное максимальное значение индекса равно 200, но край диаграммы достигает значения 250.

ский анализ материала и сформулируем возможные гипотезы, объясняющие наблюдаемые паттерны. Кроме того, мы проанализируем соотношение языковой и социокультурной ситуации в сообществе терских кумыков и представим обобщения о возможных сценариях развития языковой ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александренков Э.Г.* «Этническое самосознание» или «этническая идентичность»? // *Этнографическое обозрение*. 1996. № 3. С. 13–22.
2. *Алхазова А.В., Борисова В.А., Груздева А.И., Дорофеева Е.П., Насырова Р.Р., Парамонова Д.А.* Вокалическая система терского диалекта кумыкского языка. Технический отчет 23-01. М., 2023.
3. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // *Новое в лингвистике*. Вып. 6. Языковые контакты. 1972. С. 25–60.
4. *Гаджихмедов Н.Э. и др.* Современный кумыкский язык. Махачкала, 2014.
5. *Гаджиева С.Ш.* Кумыки. Историко-этнографическое исследование. М., 1961.
6. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Кизлярский говор терского диалекта кумыкского языка: лексические особенности в ареальном и историческом контексте // *Российская тюркология*. 2021а. № 3–4 (32–33). С. 72–82.
7. *Гусейнов Г.-Р.А.-К.* Фонетические особенности кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка в сравнительно-историческом и ареальном контексте // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. 2021б. № 3 (112). С. 18–24.
8. *Ибрагимов М.-Р.А.* К изучению динамики этнического самосознания кумыков // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2010. № 2 (22). С. 81–94.
9. *Ибрагимов М.-Р.А., Аджиев А.М.* Кумыки // *Народы Дагестана* / Отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М., 2002. С. 472–492.
10. *Керимов И.А.* Очерки кумыкской диалектологии. Махачкала, 1967.
11. *Кисриев Э.Ф.* Национальности и политический процесс в Дагестане. Махачкала, 1998.
12. *Кумыкский язык* // *Малые языки России*. [Электронный ресурс]. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/kumykskiy-yazyk> (дата обращения: 14.10.2023).
13. *Магомедханов М.М.* К изучению этнического самосознания народов Дагестана // *Вопросы общественного быта народов Дагестана в XIX — начале XX в.* Махачкала, 1987. С. 35–44.
14. *Магомедханов М.М.* Дагестанцы: Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М., 2008.
15. *Ольмесов Н.Х.* Сравнительно-историческое исследование диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфонология. Махачкала, 1997.
16. *Резанова З.И., Темникова И.Г., Некрасова Е.Д.* Динамика социолингвистических процессов в Южной Сибири в зеркале билингвизма (русско-шорское и русско-татарское языковое взаимодействие) // *Вестник Томского государственного университета*. 2018. № 436. С. 56–68.
17. *Россяйкин П.О., Груздева А.И., Камбулатова Ю.Р., Насырова Р.Р., Устьянцев Г.Ю., Федорова О.В.* Возрастная динамика билингвизма терских кумыков как индикатор витальности языка: языковой и социокультурный аспекты. Часть 2. В печати.
18. *Тишков В.А., Кисриев Э.Ф.* Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // *Этнографическое обозрение*. 2007. № 5. С. 96–115.

19. *Bedore L.M., Peña E.D., Summers C.L., Karin M.B., Resendiz M.D. et al.* The measure matters: Language dominance profiles across measures in Spanish–English bilingual children // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2012. № 15(3). P. 616–629. <https://doi.org/10.1017/S1366728912000090>
20. *Birdsong D., Gertken L.M., Amengual M.* Bilingual Language Profile: An easy-to-use instrument to assess bilingualism. COERLL, University of Texas at Austin, 2012.
21. *Dunn A.L., Fox Tree J.E.* A quick, gradient Bilingual Dominance Scale // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2009. № 12(3). P. 273–289.
22. *Gertken L.M., Amengual M., Birdsong D.* Assessing language dominance with the bilingual language profile // *Measuring L2 proficiency: Perspectives from SLA / P. Leclercq, A. Edmonds, H. Hilton (eds.)*. 2014. P. 208–225.
23. *Gollan T.H., Weissberger G.H., Runnqvist E., Montoya R.I., Cera C. M.* Self-ratings of spoken language dominance: A Multilingual Naming Test (MINT) and preliminary norms for young and aging Spanish–English bilinguals // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2012. № 15(3). P. 594–615. <https://doi.org/10.1017/S1366728911000332>.
24. *Grosjean F.* Studying bilinguals. Oxford University Press, 2008.
25. *Kaščelan D., Prévost P., Serratrice L., Tuller L., Unsworth S. et al.* A review of questionnaires quantifying bilingual experience in children: Do they document the same constructs? // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2022. № 25(1). P. 29–41. <https://doi.org/10.1017/S1366728921000390>
26. *Kremin L.V., Byers-Heinlein K.* Why not both? Rethinking categorical and continuous approaches to bilingualism // *PsyArXiv*. 2020. <https://doi.org/10.31234/osf.io/nkvap>.
27. *Marian V., Blumenfeld H., Kaushanskaya M.* The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals // *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*. 2007. № 50(4). P. 940–967.
28. *Marian V., Hayakawa S.* Measuring bilingualism: the quest for a “bilingualism quotient” // *Applied Psycholinguistics*. 2020. P. 1–22. <https://doi.org/10.1017/S0142716420000533>
29. *Montrul S.* Dominance and proficiency in early and late bilingualism // *Language dominance in bilinguals: Issues of measurement and operationalization / C. Silva-Corvalán, J. Treffers-Daller (eds.)*. Wiley-Blackwell, 2016. P. 15–35.
30. *Phinney J.S., Ong A.* Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions // *Journal of Counseling Psychology*. 2007. № 54(3). P. 271–281.
31. *Treffers-Daller J.* What defines language dominance in bilinguals? // *Annual Review of Linguistics*. 2019. № 5. P. 375–393. <https://doi.org/10.1146/annurev-linguistics-011817-045554>.
32. *Waskom M.L.* seaborn: statistical data visualization // *Journal of Open Source Software*. 2021. Vol. 6. № 60, P. 3021. doi: 10.21105/joss.03021.
33. *Yip V., Matthews S.* Assessing language dominance in bilingual acquisition: A case for mean length utterance differentials // *Language Assessment Quarterly: An International Journal*, 2006. № 3(2). P. 97–116. https://doi.org/10.1207/s15434311laq0302_2

REFERENCES

1. Aleksandrenkov E.G. «Ehtnicheskoe samosoznanie» ili «ehtnicheskaya identichnost'»? [“Ethnic self-awareness” or “ethnic identity”?]. *Ehtnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 1996, 3, pp. 13–22. (In Russ.)
2. Alhazova A.V., Borisova V.A., Gruzdeva A.I., Dorofeyeva E.P., Nasyrova R.R., Paramonova D.A. Vokalicheskaya sistema terskogo dialekta kumyyskogo yazyka [Vowel

- system of Terek Kumyk]. Technical report 23-01. Moscow, *Lomonosov MSU*, 2023. 5 p. (In Russ.)
3. Bedore L.M., Peña E.D., Summers C.L., Karin M.B., Resendiz M.D. et al. The measure matters: Language dominance profiles across measures in Spanish–English bilingual children. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2012, 15, 3, pp. 616–629. doi: 10.1017/S1366728912000090.
 4. Birdsong D., Gertken L.M., Amengual M. Bilingual Language Profile: An easy-to-use instrument to assess bilingualism. *COERLL, University of Texas at Austin*, 2012.
 5. Dunn A.L., Fox Tree J.E. A quick, gradient Bilingual Dominance Scale. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2009, 12, 3, pp. 273–289.
 6. Fasold R. Sociolinguistic of society. Oxford, England; New York, NY, USA: *B. Blackwell*, 1984.
 7. Gadziakhmedov N.E. et al. Sovremennyyi kumyyskii yazyk [Modern Contemporary Kumyk]. Makhachkala, *Dagestan Federal Research Center, RAS*, 2014. 557 p. (In Russ.)
 8. Gadzhieva S.Sh. Kumyki. Istoriko-ethnograficheskoe issledovanie [Kumyks. Ethno-historical study]. Moscow, *USSR Academy of Sciences Publ.*, 1961. (In Russ.)
 9. Gertken L.M., Amengual M., Birdsong D. Assessing language dominance with the bilingual language profile. *Measuring L2 proficiency: Perspectives from SLA* ed. by P. Leclercq, A. Edmonds, H. Hilton, 2014, pp. 208–225.
 10. Gollan T.H., Weissberger G.H., Runnqvist E., Montoya R.I., Cera C. M. Self-ratings of spoken language dominance: A Multilingual Naming Test (MINT) and preliminary norms for young and aging Spanish–English bilinguals. *Bilingualism: Language and Cognition*, 2012, 15, 3, pp. 594–615. doi: 10.1017/S1366728911000332.
 11. Grosjean F. Studying bilinguals. *Oxford University Press*, 2008.
 12. Guseinov G.-R.A.-K. Foneticheskie osobennosti kizlyarskogo govora terskogo dialekta kumyyskogo yazyka v sravnitel'no-istoricheskom i areal'nom kontekste [Phonetic features of the Kizlyar dialect of Terek Kumyk in comparative-historical and areal context]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.YA. Yakovleva [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin]*, 20216, 3 (112), pp. 18–24. (In Russ.)
 13. Guseinov G.-R.A.-K. Kizlyarskii govor terskogo dialekta kumyyskogo yazyka: lek-sicheskie osobennosti v areal'nom i istoricheskom kontekste [The Kizlyar dialect of Terek Kumyk: lexical features in areal and historical context]. *Rossiyskaya tyurkologiya [Russian Turcology]*, 2021a, 3-4 (32-33), pp. 72–82. (In Russ.)
 14. Ibragimov M.-R.A. K izucheniyu dinamiki etnicheskogo samosoznaniya kumykov [Towards studying Kumyk ethnic self-awareness dynamics]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i ethnografii [Institute of history, archeology and ethnography bulletin]*, 2010, 2 (22), pp. 81–94. (In Russ.)
 15. Ibragimov M.-R.A., Adzhiev A.M. Kumyki [The Kumyks]. *Narody Dagestana [Dagestan peoples]* ed. by S.A. Arutyunov, A.I. Osmanov, G.A. Sergeeva. Moscow, *Nauka Publ.*, 2002, pp. 472–492. (In Russ.)
 16. Kaščelan D., Prévost P., Serratrice L., Tuller L., Unsworth S. et al. A review of questionnaires quantifying bilingual experience in children: Do they document the same constructs? *Bilingualism: Language and Cognition*, 2022, 25, 1, pp. 29–41. doi: 10.1017/S1366728921000390.
 17. Kerimov I.A. Ocherki kumyyskoi dialektologii [Essays on Kumyk dialectology]. Makhachkala, *Daguchpedgiz Publ.*, 1967. 155 p. (In Russ.)
 18. Kisriev E.F. Natsional'nosti i politicheskii protsess v Dagestane [Nationalities and the political process in Dagestan]. Makhachkala, *Dagestan Federal Research Center, RAS*, 1998. (In Russ.)

19. Kremin L.V., Byers-Heinlein K. Why not both? Rethinking categorical and continuous approaches to bilingualism. *PsyArXiv*, 2020. doi: 10.31234/osf.io/nkvap.
20. Kумыкский язык [Kumyk]. *Malye yazyki Rossii [Minority languages of Russia]*. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/lang/kumyckiy-yazyk> (accessed: 14.10.2023).
21. Magomedkhanov M.M. Dagestansy: Ehtnoyazykovye i sotsiokul'turnye aspekty samosoznaniya [Dagestanis: Ethnolinguistic and sociocultural aspects of self-awareness]. Moscow, *DINEHM Publ.*, 2008. 272 p. (In Russ.)
22. Magomedkhanov M.M. K izucheniyu ehtnicheskogo samosoznaniya narodov Dagestana [Towards studying ethnic self-awareness of peoples]. *Voprosy obshchestvennogo byta narodov Dagestana v XIX — nachale XX v. [Issues of social routine of Dagestan peoples in the XIX through the beginning of the XX century]*. Makhachkala, 1987, pp. 35–44. (In Russ.)
23. Marian V., Blumenfeld H., Kaushanskaya M. The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 2007, 50, 4, pp. 940–967.
24. Marian V., Hayakawa S. Measuring bilingualism: the quest for a “bilingualism quotient”. *Applied Psycholinguistics*, 2020, pp. 1–22. doi:10.1017/S0142716420000533.
25. Montrul S. Dominance and proficiency in early and late bilingualism. *Language dominance in bilinguals: Issues of measurement and operationalization* ed. by C. Silva-Corvalán, J. Treffers-Daller. *Wiley-Blackwell*, 2016, pp. 15–35.
26. Ol'mesov N.Kh. Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie dialektnoi sistemy kumyckskogo yazyka. Fonetika. Morfonologiya [Comparative-historical study on the Kumyk dialect system. Phonetics. Morphonology]. Makhachkala, *Daguchpedgiz Publ.*, 1997. 327 p. (In Russ.)
27. Phinney J.S., Ong A. Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions. *Journal of Counseling Psychology*, 2007, 54, 3, pp. 271–281.
28. Rezanova Z.I., Temnikova I.G., Nekrasova E.D. Dinamika sotsiolingvisticheskikh protsessov v Yuzhnoi Sibiri v zerkale bilingvizma (russko-shorskoe i russko-tatarskoe yazykovoie vzaimodeistvie) [Dynamics of sociolinguistic processes in South Siberia in the mirror of bilingualism (Russian-Shor and Russian-Tatar linguistic interaction)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2018, 436, pp. 56–68. (In Russ.)
29. Tishkov V.A., Kisriev E.F. Mnozhestvennye identichnosti mezhdru teoriei i politikoi (primer Dagestana) [Plural identities between theory and politics (Dagestan example)]. *Ehtnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 2007, 5, pp. 96–115. (In Russ.)
30. Treffers-Daller J. What defines language dominance in bilinguals? *Annual Review of Linguistics*, 2019, 5, pp. 375–393. doi: 10.1146/annurev-linguistics-011817-045554.
31. Waskom M.L. seaborn: statistical data visualization. *Journal of Open Source Software*, 2021, 6, 60, p. 3021. doi: 10.21105/joss.03021.
32. Weinreich U. Odnoyazychie i mnogoyazychie [Monolingualism and multilingualism]. *Novoe v lingvistike [The new in linguistics]*. V. 6. *Yazykovye kontakty [Language contacts]*, 1972, pp. 25–60. (In Russ.)
33. Yip V., Matthews S. Assessing language dominance in bilingual acquisition: A case for mean length utterance differentials. *Language Assessment Quarterly: An International Journal*, 2006, 3, 2, pp. 97–116. doi: 10.1207/s15434311laq0302_2.

Поступила в редакцию 12.08.2023

Принята к публикации 19.12.2023

Отредактирована 24.12.2023

ОБ АВТОРАХ

Россыякин Петр Олегович — инженер кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; petrrossyaykin@gmail.com

Груздева Анастасия Ильинична — младший научный сотрудник Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН, аспирант и инженер кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; gruzdevaai@my.msu.ru

Камбулатова Юлия Руслановна — специалист по УМП II категории кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ykambulatova@mail.ru

Насырова Регина Руслановна — студент магистратуры отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник Института искусственного интеллекта МГУ имени М.В. Ломоносова; regina.nasyrova55@gmail.com

Татевосов Сергей Георгиевич — заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; tatevosov@gmail.com

Устьянцев Герман Юрьевич — ассистент кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; usty-an-93@mail.ru

Федорова Ольга Викторовна — профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; olga.fedorova@msu.ru

ABOUT THE AUTHORS

Petr Rossyaykin — Engineer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; petrrossyaykin@gmail.com

Olga Fedorova — Professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; olga.fedorova@msu.ru

Anastasija Gruzdeva — Junior Researcher, Laboratory for Study and Preservation of Minority Languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; PhD Student and Engineer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; gruzdevaai@my.msu.ru

Yuliia Kambulatova — Specialist in educational and methodological work, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; ykambulatova@mail.ru

Regina Nasyrova — Master's Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Junior Researcher, Institute for Artificial Intelligence, Lomonosov Moscow State University; regina.nasyrova55@gmail.com

Sergei Tatevosov — Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; tatevosov@gmail.com

Herman Ustyantsev — Assistant, the Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; usty-an-93@mail.ru